

Хаберд внутренне торжествовал.

Он давно подозревал, что с этим ребенком что-то не так, но до сих пор ему не хватало весомых доказательств. Снимки, которые Нац тайком делал раньше, были слишком размытыми — на них невозможно было разглядеть ни кошачьих ушек, ни хвоста, а без четких улик идти в Совет Старейшин было бессмысленно.

К сегодняшнему приему у старейшины Цяо он подготовился основательно. Сначала Нац с помощью Бронированной обезьяны выманил наследника, а сам Хаберд вооружился скрытой камерой. Он намеревался запечатлеть истинный облик дитя в отсутствие опекунов и предъявить эту запись как неоспоримое свидетельство обмана.

Неужели этот ребенок сейчас, прямо у него на глазах, раскроет свою истинную сущность?

Хаберд с замиранием сердца предвкушал момент, когда редчайший, обожаемый всеми наследник Золотых Драконов обернется представителем совсем иного вида. Это зрелище стоило любых усилий.

Объектив его камеры бесшумно зафиксировал цель.

Ли Цзюэ приложил пухлую ладошку ко лбу мужчины и, расплывшись в лукавой улыбке, прошептал:

— На самом деле... Цзюэцзюэ — это котик!

В глазах Хаберда всё поплыло. В следующее мгновение драконьи рожки на голове малыша начали медленно таять, а на их месте прорезались треугольные, покрытые нежным пушком ушки.

Дракон, никогда прежде не видевший и даже не слышавший о таком существе, как «кошка», застыл в оцепенении.

Какое-то странное, покрытое длинной шерстью животное...

Для существа, чье тело защищено чешуей, а в качестве питомцев признающего лишь панцирных тварей, этот облик был за пределами чуждым.

Ушки котенка забавно дрогнули, и несколько золотистых ворсинок, сверкая на свету, медленно опустились вниз.

Хаберд, прижимая руку к карману с камерой, едва сдерживал лихорадочное возбуждение.

— Дядя не расслышал, — вкрадчиво подначил он, стараясь вытянуть из ребенка признание. — Кем ты себя назвал?

— Котиком! — послушно повторил кроха. Он обернулся и, демонстрируя свой пушистый хвост, весело вильнул им из стороны в сторону.

«Прекрасно», — злорадно подумал Хаберд. Улика была у него в руках, причем получена она была на удивление легко.

Он не обратил внимания на то, что в воздухе начали кружиться нежно-розовые лепестки. Они медленно падали, точно хлопья снега, но стоило им коснуться любой поверхности, как они бесследно исчезали, оставляя лишь мимолетную рябь, похожую на галлюцинацию.

— Спасибо за честность, малыш, — улыбнулся Хаберд. — Думаю, твои опекуны будут «очень рады» это узнать.

Он уже собирался подняться, но ребенок крепко вцепился в его палец.

— Дядя, не уходи! Подожди, это еще не всё! — засуетился Ли Цзюэ.

«Не всё?» — Хаберд замер, позволяя малышу удерживать себя.

Цзюэцзюэ коснулся своих кошачьих ушек. Хаберд мог поклясться, что не моргал ни секунды, но стоило руке ребенка шевельнуться, как мягкие треугольнички превратились в твердые, изогнутые, точно кинжалы, рога.

Они располагались на том же месте, что и прежние драконьи атрибуты, но форма и текстура были совершенно иными.

Малыш забавно тряхнул головой и довольно сощурился:

— Дядя, а еще я — теленочек!

«Корова?.. Что это вообще за зверь?»

Впрочем, Хаберда сейчас волновало не это. В его мозгу пульсировал единственный вопрос: как этот ребенок умудрился превратиться из дракона в «кота», а затем — в это новое существо?

Может, это какое-то высокотехнологичное шоу с переодеванием? Или магия, о которой он не

имел представления?

Неужели такой кроха уже обучен иллюзиям? Кто его наставник? Фенкес? Неужели Золотой Тиран спланировал всё это заранее?

Голова Хаберда буквально раскалывалась от теорий.

Между тем лепестков становилось всё больше. Они кружились вокруг него плотной метелью, застилая взор призрачной белизной грушевого цвета. Это был бесконечный, нереальный снегопад из цветов.

В этом дурманящем аромате Ли Цзюэ, подхватив Бронированную обезьяну, принялся кружиться в подобию танца, на ходу меняя облик. То у него появлялись костяные наросты, то мягкие длинные уши, то хвосты — длинные, короткие, тонкие и пушистые.

В какой-то момент до Хаберда дошло: секрет Ли Цзюэ заключался вовсе не в том, что он кот или дракон. Его истинная природа позволяла ему становиться кем угодно, оставаясь при этом никем.

Камера в кармане, призванная запечатлеть улики, так и не включилась.

Но даже если бы Хаберд попытался пересказать увиденное, ему бы никто не поверил. Скорее уж его самого сочли бы безумцем и отправили на принудительное лечение.

Глядя в невинное, сияющее лицо ребенка, Хаберд ощутил, как ледяной ужас просачивается до самого костного мозга.

Это дитя определенно не было обычным существом.

Кого, черт возьми, притащил на корабль Фенкес? И понимает ли сам Тиран, кого он пытается воспитывать?

Метель из лепестков постепенно улеглась.

Ли Цзюэ снова принял свой первоначальный облик. Он проверил, крепко ли держатся на клею его маленькие фальшивые рожки, и посмотрел на Хаберда. На его щеках снова заиграли ямочки.

— А теперь я снова маленький дракон!

«Маленькое чудовище».

Хаберд, расширив глаза от шока, невольно отшатнулся на шаг.

Стоявший неподалеку Нац совершенно не понимал, что происходит между его отцом и ребенком. Выражение лица Хаберда — смесь ужаса и недоумения — окончательно сбило его с толку. Находясь вне зоны действия «иллюзорного шоу», Нац не видел ни кошачьих ушек, ни рогов тельца.

В его глазах Ли Цзюэ всё это время оставался драконом, который весело прыгал с обезьянкой в руках. Он не заметил даже призрачных цветов, которые застилали взор его отца.

Для Хаберда Ли Цзюэ был реальным ребенком, а всё происходящее — частью действительности. Но для Системы этот властный дракон был лишь одним из тысяч рядовых НИП — важным в рамках своего мира, но легко заменяемым в масштабах бесконечного пространства.

Стереть память игрокам в ложном логове, создать уникальную галлюцинацию для Хаберда... Ли Цзюэ обладал способностями, которые выходили за рамки правил.

Более того, сам ребенок даже не осознавал, что это «способности».

Согласно регламенту Центра, системы, занимающие посты посредников с БОССами, не имели права изменять инструкции НИП. Но Малыш Ли не признавал никаких правил.

Он был Системой.

Но не просто Системой.

Его воля, его желания и потребности могли менять характер персонажей, переписывать законы подмиров и даже влиять на структуру всего Бесконечного пространства.

Просто потому, что в его жилах текла кровь «Того Самого».

Видя, что его всегда хладнокровный отец пребывает в состоянии полного помешательства, Нац окончательно растерялся. Он посмотрел на Ли Цзюэ, но тот выглядел не менее озадаченным.

Кроха всего лишь показал дяде, как умеет превращаться в разных зверушек, — почему же тот так испугался?

Единственным, кто был по-настоящему счастлив, оказался Чичичи. Видя страх в глазах своего мучителя, Бронированная обезьяна буквально засияла от восторга. Ощувив, что человек, который годами издевался над ней, сам нашел того, кого стоит бояться, зверушка в возбуждении принялась скакать вокруг Ли Цзюэ, а затем и вовсе запрыгнула Хаберду на

голову.

Нац поспешно сорвал её оттуда.

Обезьянка, чье торжество было так грубо прервано, пришла в ярость. Она с силой впиалась зубами в руку Наца и, воспользовавшись моментом, когда тот от боли разжал пальцы, юркнула за спину Ли Цзюэ, откуда принялась свирепо следить за драконом.

Из раны на руке Наца потекла кровь. Впрочем, для дракона такая царапина была пустяком.

— Неблагодарная тварь! — прошипел он.

Обезьянка лишь прищурилась и скорчила ему презрительную рожу.

Ли Цзюэ, оказавшийся в роли живого щита, расстроился.

Почему взрослые (и взрослые обезьяны) вечно ссорятся? Разве нельзя жить в мире и согласии?

Он легонько похлопал Чичичи по голове — из-за костяных пластин звук получился звонким.

— Чичичи, будь хорошим мальчиком, — строго сказал малыш.

Обезьянка послушно обвила его руку хвостом и потерлась головой о его плечо, показывая, что будет слушаться. Кроха остался доволен.

Нац не мог понять, почему его зверь, не признававший никого годами, так привязался к Ли Цзюэ, которого видел впервые. И почему отец так боится этого ребенка? Он чувствовал, что пропустил нечто крайне важное, хоть и находился рядом всё это время.

Дракон отступил на полшага, глядя на маленькое, совершенно не выглядящее опасным существо.

— Ты...

Ли Цзюэ посмотрел на него своими золотистыми глазами. В этом взгляде не было ничего, кроме чистоты и мягкости облаков. Инстинкт защиты потомства, заложенный в генах каждого дракона, не позволял Нацу произнести ни единого обвинения.

Слова застряли у него в горле. Ли Цзюэ выжидающе смотрел на него, а затем его глаза вдруг радостно вспыхнули.

— Знаешь, я и не подозревал, что у великого клана Черного Дракона есть привычка воровать детей.

Насмешливый голос, в котором ледяная жажда убийства мешалась с напускным безразличием, раздался прямо за спиной Наца.

Дракон застыл. Обернувшись и увидев Фенкеса, он почувствовал, как его сознание парализует ужас.

— Бо... Бо... — он никак не мог выговорить обращение.

Нац был уверен, что после возвращения в Город Чешуи ему больше не придется встречаться с Тираном, но судьба распорядилась иначе. В его голове проносились картины расправ, которые Босс устраивал над предателями. От страха сердце и язык словно перестали ему подчиняться.

Уилл, видя его жалкое состояние, махнул рукой:

— Да брось ты. Зачем кривить душой и называть его Боссом? У тебя ведь даже слово это с языка не идет.

Линь Ван тонко улыбнулся:

— А я-то думал, что я здесь единственный предатель своего клана. Оказывается, у меня есть компания. Даже жаль, что всё так обернулось.

Ярость в глазах безмолвного Яньши была почти осязаемой. Как самый преданный последователь Фенкеса, он не мог терпеть изменников.

Нац с трудом сглотнул. Ему не нужно было видеть, чтобы представить, во что превратятся его кости после удара тяжелых кулаков Яньши.

Фенкес, стоявший в окружении своих приближенных, не проронил ни слова. Он лишь окинул Наца презрительным взглядом, не считая нужным марать о него руки. Его глаза, холодные как вековые льды, потеплели лишь тогда, когда он посмотрел на малыша за спиной дрожащего дракона. Ледяная буря в его взоре в одно мгновение сменилась ласковым весенним бризом.

Он не стал подходить сам, а лишь коснулся плеча стоящего рядом мальчика:

— Проверь его.

Лин Си только этого и ждал. Услышав приказ, он сорвался с места, выкрикивая имя Цзюэцзюэ.

Обычно невозмутимый мальчик выглядел не на шутку встревоженным. Он подбежал к крохе и принялся лихорадочно осматривать его:

— Ты в порядке? Ты не ранен?

Ли Цзюэ весело сощурился и с кряхтением поднял обезьянку, которая была для него довольно тяжелой.

— Сиси, смотри! Обезьянка!

Лин Си кое-что знал об этом виде — пусть они и выглядели маленькими, на деле это были свирепые и непредсказуемые хищники. Он переводил взгляд с Чичичи на Ли Цзюэ, поражаясь тому, как мирно ведут себя оба.

— Вы... подружились? — нерешительно спросил он.

Мальчик не решался спросить прямо о ранах, боясь спровоцировать зверя. Ли Цзюэ радостно закивал:

— Ага! Его зовут Чичичи!

— Чи-чи-чи-чи! — заверещала обезьянка. На самом деле она пыталась заявить, что имя это глупое, но в ушах ребенка это прозвучало как восторженное согласие.

Ли Цзюэ погладил зверушку, успокаивая её, и с восторгом посмотрел на Лин Си:

— Сиси, погладь его! Чичичи очень милый!

Лин Си посмотрел на острые клыки обезьяны. Ему было трудно связать образ этого кровожадного существа со словом «милый», но вот котенок, с надеждой заглядывающий ему в глаза, и впрямь был очарователен.

Поколебавшись мгновение и не желая расстраивать малыша, он протянул руку. Но не успел он коснуться Чичичи, как тот оскалился, в его глазах вспыхнул яростный огонь, и он угрожающе зашипел на «двуногого».

Лин Си мгновенно отдернул руку. Ли Цзюэ посмотрел на обезьянку и строго нахмурился:

— Нельзя!

Это было первое замечание, которое он сделал зверушке. Чичичи обиженно втянул голову в

плечи.

— Сиси хороший, — наставительно произнес кроха. — Он очень-очень добрый. Он тебя не обидит.

— Чи-чи?

— Сиси — мой самый лучший друг!

— Чи, чи-чи?

— И вы тоже станете друзьями.

— Чи-чи, чи-чи-чи!

Лин Си с удивлением наблюдал за этим диалогом.

— Цзюэцзюэ, ты что, понимаешь, что он говорит?

Малыш обнял обезьянку и хихикнул:

— Не-а, совсем не понимаю!

Лин Си замер в недоумении.

— Тогда как же вы...

— Папа говорил, что все зверушки на самом деле трусишки, — мягко пояснил кроха. — Поэтому с ними нужно вести себя ласково. Если они почувствуют, что я хочу дружить, они перестанут бояться.

Воробьи на подоконнике, бездомные коты во дворе, собаки в парке... Ли Цзюэ всегда следовал совету отца, проявляя терпение и дружелюбие ко всему живому. И мир платил ему тем же. У малыша словно был врожденный дар: самые пугливые птицы, самые дикие коты и самые злые псы рядом с ним становились ручными и преданными. Если бы Цзюэцзюэ был постарше, владельцы агрессивных собак наверняка выстраивались бы в очередь, чтобы нанять его тренером.

Чичичи перестал скалиться на Лин Си. Ли Цзюэ ободряюще кивнул другу:

— Сиси, попробуй еще раз. Поздоровайся с ним.

Лин Си затаил дыхание и снова протянул руку. Обезьянка не спешила подавать лапу, но, взглянув на Ли Цзюэ, склонила голову и всё же протянула свой хвост, позволяя мальчику пожать его.

Хвост Бронированной обезьяны состоял из множества мелких чешуек и напоминал гибкое, но грозное оружие. Несмотря на свою не по годам серьезную выдержку, Лин Си в душе оставался шестилетним ребенком, и контакт с необычным зверем привел его в восторг. Он осторожно пожал кончик хвоста и тихо произнес:

— Тебя зовут Чичичи, верно? А я — Лин Си. Я лучший друг Цзюэцзюэ.

«Вовсе меня так не зовут!» — недовольно проворчала обезьянка.

Ли Цзюэ радостно захлопал в ладоши:

— Смотри! Он тоже хочет с тобой дружить!

Лин Си улыбнулся:

— Правда? Я очень рад, Чичичи.

Зверушка лишь тяжело вздохнула, окончательно отчаявшись найти понимание в этом мире.

***

Пока дети и животные наслаждались идиллией, разговор взрослых принимал куда более мрачный оборот.

Когда Ли Цзюэ отошел, Хабберд наконец пришел в себя. Открыв глаза, он увидел перед собой разгневанное лицо старейшины Цяо. Древняя драконица, будучи меньше любого из присутствующих, сейчас подавляла всех своей властью. В её бледных глазах читалось нечто, чего никто не мог разгадать.

— Хабберд, как ты мог опуститься до такой низости?

Мужчина еще не до конца освободился от цветочного дурмана и выглядел потерянным:

— Я... о чем вы?..

Линь Ван с презрением посмотрел на него:

— Ты на глазах у всех Старейшин, во время семейного торжества, пытался похитить нашего наследника. Не поздноато ли разыгрывать дурака?

В роду драконов желание вступить в брак и заводить детей с каждым годом угасало. Всё больше драконов отказывались от продолжения рода, а выживаемость потомства была крайне низкой, что вело расу к вымиранию. Новое яйцо появлялось раз в несколько лет, а успешное вылупление и вовсе случалось раз в десятилетия. Именно из-за этой отчаянной нехватки детей у некоторых глав кланов и возникали черные мысли о краже чужих яиц или младенцев.

Каждый ребенок был бесценным сокровищем для всей расы, и похищение драконьего отпрыска каралось по законам Города Чешуи с максимальной строгостью. И вот теперь будущий верховный правитель, глава Черных Драконов, сам нарушил этот священный закон.

В зале присутствовали не только старейшина Цяо, но и другие члены Совета, а также главы влиятельных семей. Они перешептывались за спиной Цяо, бросая на Хаберда взгляды, полные отвращения. Всего за время одного ужина самый перспективный кандидат на власть превратился в изгоя, которого каждый готов был пнуть.

Нац, видя, что отец молчит под градом обвинений, окончательно пал духом. Преданность роду ценилась выше всего, и наказание за предательство было ужасающим. Только благодаря положению отца он осмелился шпионить за Золотым Тираном. Если сейчас не спасти Хаберда, его собственная участь будет еще страшнее.

Нац рухнул на колени перед Цяо:

— Старейшина! Пожалуйста, выслушайте! Мой отец не хотел похищать ребенка! Это я... я просто хотел показать ему своего питомца!

— Питомца? Какого еще питомца? — раздалось из толпы.

Нац указал на играющую с детьми обезьянку:

— Вот этого! Я просто хотел, чтобы он поиграл...

Лида резко пресекла его ложь:

— Все знают, насколько опасны неприрученные звери клана Черного Дракона. Наследник еще совсем мал. Ты не «поиграть» хотел, ты планировал использовать свою тварь, чтобы навредить ребенку! Каковы были твои истинные цели?!

То, что Бронированные обезьяны выращивались как секретное оружие, не было секретом для других кланов. Все прекрасно понимали, для чего на самом деле используются эти существа. И пусть сейчас зверь вел себя мирно, любой понимал, какую угрозу он представляет. Покушение на жизнь наследника считалось преступлением еще более тяжким, чем похищение.

Слова Наца не только не спасли ситуацию, но и подлили масла в огонь. Хаберд в отчаянии закрыл глаза. Старейшина Цяо разочарованно качнула головой:

— Какое прискорбное падение.

Она развернулась и вышла из зала. По её знаку стража немедленно взяла отца и сына под стражу. Их ждала тюрьма и суд Старейшин.

— Что посеешь, то и пожнешь, — усмехнулась Лида.

Хаберд так отчаянно пытался раскрыть секрет Ли Цзюэ, чтобы сокрушить Фенкеса и устранить препятствие на пути к власти. В итоге же он сам оказался за решеткой, а репутация клана Черного Дракона была смешана с грязью.

Линь Ван покачал головой:

— Надо же, дожить до таких седин и не нажать ума.

Фенкеса участь Хаберда не волновала. По правде говоря, он никогда не считал его достойным соперником. В списке тех, кого Золотой Тиран признавал своими врагами, значилось лишь одно имя — Король морских демонов.

Примарх прошел мимо шушукующейся толпы и направился к детям. Ли Цзюэ и Лин Си, взяв обезьянку за лапы с двух сторон, кружились в танце. Кроха демонстрировал удивительное чувство равновесия: пока двое других уже едва держались на ногах от головокружения, он продолжал залиvisto хохотать.

Увидев Чичичи, Фенкес нахмурился. Это был питомец Наца. Но теперь, когда его хозяин под стражей, что делать со зверем? Вернуть клану Черного Дракона?

Ли Цзюэ тут же бросился к опекуну:

— Братец!

Фенкес подхватил его и усадил на сгиб руки, внимательно осматривая:

— Ты цел?

Малыш не понимал, почему все сегодня так беспокоятся. Он ведь просто играл с обезьянкой, с чего бы ему быть не в порядке? Он посмотрел вниз на Лин Си и Чичичи, которые сразу перестали кружиться, и спросил Фенкеса:

— Братец, а мы можем его оставить?

Кроха имел в виду именно обезьянку. Фенкес вскинул бровь:

— Хочешь питомца?

Золотые Драконы отличались от других кланов — они постоянно находились в пути на своем корабле, выполняя задания Бесконечного пространства. Их жизнь была подчинена строгому графику, и никому на всем «Драконьем гнезде» и в голову не приходило заводить живых существ, будь то питомцы или дети.

Ли Цзюэ серьезно закивал и принялся загибать пальчики:

— Чичичи очень послушный! Я буду его кормить, гулять с ним и научу ходить в туалет в правильном месте...

Обезьянка не поверила своим ушам. «За кого этот малец меня принимает?! Я — грозный хищник, а он говорит обо мне так, будто я беспомощный щенок!»

Фенкес дослушал его и усмехнулся:

— Хм, и это всё?

Кроха растерялся, не зная, что еще добавить. Примарх легонько щелкнул его по носу:

— А ты спросил, хочет ли он сам здесь остаться?

Ли Цзюэ моргнул. Фенкес опустил его на пол, и малыш, взяв обезьянку за лапу, торжественно спросил:

— Скажи, пожалуйста, ты хочешь, чтобы я стал твоим хозяином?

Чичичи в раздумье почесал затылок. С одной стороны, предложение было сомнительным, с другой — этот крохотный человечек казался куда надежнее прежних хозяев...

— Босс!

Напряженный голос Линь Вана прервал обсуждение «договора о воспитании». Малыш никогда не видел этого вечно улыбающегося дракона таким серьезным и невольно ухватился за палец Фенкеса. Тот успокаивающе коснулся его руки и посмотрел на подчиненного:

— Что случилось?

— Старейшина Цяо просит вас немедленно привести наследника к Совету, — Линь Ван сделал глубокий вдох. — Хаберд утверждает, что у него есть доказательства: Малыш Ли — не дракон. Он официально обвинил вас в обмане Старейшин.

Фенкес нахмурился. Он знал, что Хаберд не сдастся без боя. Пока они собирали Совет, тот наверняка успел что-то предпринять. Расспрашивать ребенка было бесполезно, нужно было готовиться к худшему.

Он снова взял Ли Цзюэ на руки и вполголоса приказал Линь Вану:

— Найди Цянь Сина. Скажи ему, что если ситуация выйдет из-под контроля, действуем по плану «Б».

Глаза Линь Вана вспыхнули:

— Слушаюсь.

Молодой Тиран поцеловал ребенка в макушку. Его золотые глаза горели решимостью, когда он направился туда, где их ждало судилище.

<http://bllate.org/book/16120/1588100>